

СОВРЕМЕННЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ДОКТРИНЫ

А.Ю. Полтораков

DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.7954

ГЕОСТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

Аннотация. Современное государство, исходя из глокальной «конъюнктуры», должна выбрать необходимый баланс, оптимальное соотношение между ресурсным обеспечением своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности на мировой арене. Проблема выбора соотношения особо актуальна для таких «средних государств» как Украина. Для них принципиальным внутренним вызовом является декларативность идеи «экономизации внешней политики» – которая на практике оборачивается «политизацией внешнеэкономических связей». В условиях «стабильной нестабильности» миропорядка для геостратегии государства все большее значение приобретает международный контекст. Ключевым вызовом является принципиальное изменение общего характера субъектности международных отношений. Наложение этих факторов приводит к тому, что конфликт между краткосрочными и долгосрочными целями, к которому в конечном итоге сводится геостратегический «обмен», обретает дополнительную остроту.

Ключевые слова: политология, мировая политика, геостратегия, геополитика, геоэкономика, государство, взаимозависимость, регион, Украина.

Большая политика — это всего лишь здравый смысл, примененный к большим делам.

Наполеон Бонапарт

В стратегических исследованиях проблема конфликта между краткосрочными и долгосрочными целями является классической. В своем геостратегическом измерении эта проблема трансформируется в соотношении приоритетов геополитики и геоэкономики. Иными словами, каждое современное государство на определенном этапе развития, исходя из глокальной «конъюнктуры», должна выбрать необходимый баланс, оптимальное соотношение между ресурсным обеспечением своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности на международной арене.

«Традиционно в международной политике целью войны была защита своей территории, или захват и установление контроля над территориями других стран, или же — установление дипломатического контроля над правительствами иностранных государств, — пишет современный американский шеостратег Э. Люттвак. — Цели стратегов геоэкономических войн иные, и они не сводятся к достижению максимально высоко-

го уровня жизни для населения страны, а скорее ориентированы на завоевание превосходства в мировой экономике или в защите уже завоеванных позиций» [9, р. 309-310.].

Во многих случаях во имя получения перспективных геополитических дивидендов государство идет на серьезные геоэкономические уступки и даже жертвы. Если говорить только о современных международных отношениях то, как минимум со времен «Холодной войны» и блокового противостояния ключевые международные игроки в глобальном масштабе буквально «покупали» — преимущественно путем предоставления очень выгодных заемщику кредитов и инвестиций — геополитическую лояльность многих сателлитов и потенциальных союзников преимущественно из стран третьего мира. (Порожденная этим проблема догов бывшего СССР до конца не решена до сих пор.) Недавний пример — визит президента РФ В. Путина в Алжир (март 2006 г.). По его итогам, Россия списала Алжиру весь долг — 4,737 млрд долларов; в ответ Алжир подписал контракты о закупках российского вооружения почти на 8 млрд долларов.

В региональном масштабе данная проблематика аккумуляровалась в узловых точках европей-

ской интеграции. Так, Германия, отягощенная бременем исторического прошлого, в качестве своеобразной компенсации изначально выступала «локомотивом европейской интеграции» — именно ФРГ буквально «вытягивала» западноевропейскую геоэкономическую и геофинансовую интеграцию, усиливая тем самым и свои геополитический вес и влияние, причем не только во внутриевропейском масштабе.

Геополитическое решение о предоставлении членства в ЕС таким странам как Румыния и Болгария также было серьезным геоэкономическим вызовом. На подобный «чреватый последствиями» шаг Евросоюз пошел в надежде, что стимулируемые открывающимися европейскими перспективами, отнюдь небеспроблемные новички активизируют национальное геоэкономическое развитие. Даже сами болгарские эксперты (И. Ангелов и др.) признавали: «Решение пригласить Болгарию и Румынию к переговорам о вступлении в сообщество, принятое Евросоюзом в 1999 г. в Хельсинки, — политически мотивированный жест. Анализ как Европейской комиссии, так и независимых исследователей макро- и микроэкономических показателей этих стран не подтверждают экономическую целесообразность этого шага ЕС».

Более того, Ж. Делор, — бывший председатель Еврокомиссии и архитектор нынешней фазы интеграции, — полагал: Брюссель сделал ошибку, приняв в сообщество десять новых государств. По его мнению, это лишь ослабляет Евросоюз, ибо страны-«новички» являются не «производителями», а лишь «потребителями» и, повиснув неподъемным грузом на ногах ЕС, приведут к дальнейшему обострению экономических проблем. Сегодняшний затяжной европейский кризис можно считать ярким подтверждением правоты скепсиса опытного евроинтегратора.

В последние десятилетия чем-то подобным — геостратегическим «обменом» — занимается и РФ, занимающая первое место в мире по запасам природного газа и второе — по запасам нефти [4]. На геоэнергетическую иглу России все серьезнее подсаживаются ее ближние и дальние соседи (от Украины и ЕС до Китая и Кореи). В рамках т.н. «нефтегазовой дипломатии» Москва активно, хотя и не без затруднений, конвертирует отнюдь неослабевающую геоэнергетическую зависимость в перспективные геополитические дивиденды. (То обстоятельство, что РФ, около 70% экспорта которой приходится на минеральное сырье и ресурсы, исподволь превращается в сырьевой придаток и рискует подхватить «голландскую болезнь» [4], —

оставим «за скобками».) В подобных терминах можно рассматривать и реализуемые Москвой проекты региональной интеграции на пространстве СНГ, во многом коррелирующиеся с историей «собираения русских земель» (с XIII в.), — от СНГ как такового до ЕврАзЭС, ЕЭП/ТС и, частично, ОДКБ и ШОС. (В качестве яркой иллюстрации рискнем вспомнить несколько одиозного геополитика А. Дугина: «Новая Империя, которую предстоит создавать русскому народу, имеет свою внутреннюю геополитическую логику, вписанную в естественную структуру географического пространства планеты. В основу геополитической конструкции этой Империи должен быть положен фундаментальный принцип — принцип «общего врага»» [3].)

Еще более характерен непростой опыт членов т.н. «СНГ-2» (Содружества непризнанных государств) — квазигосударственная дееспособность большинства из них (от Приднестровья до Абхазии) держится исключительно на российских военных, финансовых и пр. «вливаниях». Так, дефицит бюджета ПМР в 2012 г. составит около 62%; в бюджете Абхазии на 2013 г. доля собственных доходов на 2013 г. составляет лишь 61%.

Банк Англии, первый институт подобного рода, своим возникновением (1694 г.) обязан войнам, которые вела Британская империя против Франции «короля-солнца» Людовика XIV. («Почему Франция была угнетена и истощена, тогда как Англия ликовала и процветала? Почему Англия продиктовала, а Франция приняла условия мира? — анализировал проблему классик геополитики адмирал А.Т. Мэхэн. — Причина, очевидно, заключалась в различии богатства и кредита. Франция сопротивлялась одна против многих врагов, поднятых и ободравшихся английскими субсидиями» [6].) Нынешняя же пост-имперская Великобритания уже давно реализует альтернативную геостратегическую модель — конвертацию геополитических ресурсов в геоэкономические прибыли и геофинансовые преференции. Британская внешняя политика опирается на черчеллеву концепцию «трех окружностей»: роль Великобритании в качестве главного партнера США, лидера Содружества наций и ключевой западноевропейской державы. При этом, как довольно афористично и несколько провокационно отмечал американский левый геоэкономист Л. Ларуш, Британская империя не является империей британской нации над другими нациями. Смыслом Британской империи, расположенной в финансовом центре Лондона (Сити), куда она переместилась из предыдущих имперских центров, заключается в том, что частные

банковские интересы практически контролируют глобальную геофинансовую систему.

«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты» (К. Маркс). В силу этого деньги (а с ними — и прочие ресурсы) зачастую идут не туда, где они больше всего нужны, — но туда, где они могут дать наибольший результат или хотя бы эффект. «Изнанкой» обмена геоэкономических ресурсов на геополитические преференции является прежде всего то, что данные ресурсы недополучают экономика и общество страны-«донора». (Одной из причин краха СССР стало именно это обстоятельство.) Так, Зб. Бжезинский в последней книге «Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной силы» (февраль 2012 г.) [7] откровенно утверждал: США, растратив значительную часть своей мощи и престижа, сейчас очень напоминают СССР перед его распадом. Действительно, США нынче находятся в тисках экономической депрессии, кризиса политического руководства, деградации своего мирового лидерства. Госдолг США в 2012 г. превысил 100% ВВП, а к 2016 г., по расчетам МВФ, уже превзойдет 115% [1]. Американские исследователи С. Джонсон и Дж. Квак отмечают, что на каждого американца — от младенца до старика — нынче приходится сумма долга, превышающая 36 тыс. долл., а это непосредственно ведет к росту безработицы, сокращению жизненного уровня, социальным диспропорциям [8, p. 368].

Кроме того, на определенном этапе возникает обратная зависимость — уже не только «должника» от «кредитора», но «кредитора» от «должника». Яркий пример — геофинансовый срез отношений США и КНР. Можно вспомнить также реплику Зб.Бжезинского (22.12.2009 г.): «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша?». (Для сравнения: по оценкам банковских экспертов, сегодня на счетах кипрских компаний украинского происхождения может храниться сумма от 1-2 до 8-9 млрд евро.) По данным банка России иностранные активы российских банков превышают уровень 200 млрд дол., а в 111 российских банках 50% и более акционерного капитала принадлежит иностранным инвесторам.

Наложение данных факторов друг на друга, дающее кумулятивный эффект, особенно обостряется во время кризиса. И конфликт между краткосрочными и долгосрочными целями, к которому в конечном итоге сводится геостратегический «обмен», обретает дополнительную остроту.

Мягкая сила и жесткая слабость «среднего государства» (на примере Украины)

*Счастливым тот, кто имел возможность
найти счастливую жизнь.*

Но счастливее тот, кто умеет ею пользоваться.

Григорий Сковорода

Уже цитировавшийся американский исследователь Э. Люттвак указывал на то обстоятельства, что лишь немногие страны имеют достаточно активные политические стратегии и бюрократические структуры, ориентированные на ведение геоэкономических войн. И далеко не всегда это крупные индустриальные страны, в некоторых случаях маленькие, но активные государства создают в своих пределах подходящие условия: повышая уровень образования, оказывая поддержку инновациям, создавая организационную, финансовую и правовую инфраструктуру. Действительно, такие страны как Ирландия или Финляндия, Южная Корея или Япония в отличие от Китая или СССР/России ничего геополитически не контролировали, — но смогли в «коротком XX в.» (Э. Хобсбаум) воспользоваться плодами скорее геоэкономики, чем геополитики. Так, первые строки в традиционном индексе глобальной конкурентоспособности занимают Финляндия, Сингапур и Швеция, которые имеют при этом весьма незначительное количество глобальных конкурентоспособных компаний, входящих в список 500 крупнейших мировых корпораций [4]. Для сравнения, страны БРИКС, занимая лидирующие позиции в мире по развитию глобальных корпораций, получают самые низкие оценки в рейтингах глобальной конкурентоспособности [4].

Проблема выбора соотношения геополитических и геоэкономических приоритетов государственного развития особо актуальна для таких «средних государств» как Украина.

Постоянное неустойчивое балансирование «между Востоком и Западом» в теории имеет целью получить максимум дивидендов: геополитических — с одной (западной, европейской) стороны, и геоэкономических — с другой (восточной, евразийской). Однако в абсолютном большинстве случаев на практике это оборачивается немалыми потерями — и геополитическими (имиджевыми и пр.) и геоэкономическими. «Так что же это за держава такая, Украина, которая не думает о своей же собственной прибыли?» — вопрошал еще одиозный гетман Иван Мазепа.

С одной стороны, ориентированная как минимум на среднесрочную преспективу геостратегия внеблоковости помогла Украине несколько снять геополитическое напряжение по линии «Восток-Запад» (ОДКБ-НАТО). С другой стороны, базирующаяся на установках внеблоковости оборонная политика обернулась стагнацией военной реформы и дальнейшей латентной деградацией Вооруженных Сил, а с ними — и всего «сектора безопасности».

Еще более серьезные проблемы лежат в плоскости геоэкономического напряжения по линии «Восток-Запад» (ЕЭП/ТС-ЕС). Закрывающееся «окно возможностей» развития отношений Киева с Брюсселем и Москвой (а шире — отношения Украины с Европой и Евразией) является наиболее острым, ключевым измерением необходимого баланса геополитических и геоэкономических приоритетов. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что на текущем этапе взаимоотношений в треугольнике Европа-Украина-Евразия геостратегические приоритеты являются разноплоскостными. (Дополнительную проблему — то, что для многих «интеграторов» членство в соответствующем объединении видится самодостаточной целью, — оставим пока «за скобками».)

В нынешних отношениях Украины с Евросоюзом доминирует, по крайней мере тактически, геополитическая составляющая. Так, как следует из дискурса вокруг «списка Фюле», перспективы подписания Соглашения об ассоциации (и в т.ч. — перспективы Зоны свободной торговли) зависят от решения прежде всего политических и смежных (политико-правовых и т.п.) вопросов. Как ожидается оптимистами, необходимые в краткосрочной перспективе тактические геополитические уступки Украины должны обернуться геоэкономическими выгодами уже в среднесрочной перспективе.

В нынешних отношениях Украины с ЕЭП/ТС (а фактически — с Россией) доминирует, наоборот, геоэкономическая составляющая. Как ожидается пессимистами, получаемые в краткосрочной перспективе геоэкономические преференции (в рамках ЕЭП/ТС) в среднесрочной перспективе могут обернуться геоэкономическими вызовами усиления зависимости Киева от Москвы и даже геополитическими угрозами зависимости Украины от России.

(Как недавно отметил директор Американского института в Украине Энтони Салвия, «сложная ситуация в переговорах Украины с Европой и Россией подтверждает уместность высказывания в одной из датских газет: Россия делает Украине пред-

ложение, от которого она не может отказаться, в то время как ЕС делает предложение, в котором она не может разобраться».)

В подобном непросто внешнем контексте для Украины принципиальным внутренним вызовом является декларативность идеи «экономизации внешней политики» — которая на практике обрачивается «политизацией внешнеэкономических связей». С одной стороны, выгодные экономические проекты (начиная с геоэнергетических и заканчивая геофинансовыми) становятся заложниками внешнеполитической конъюнктуры — превращаясь из объективной цели в субъективный предмет торга. С другой стороны, даже внутриполитические проблемы очень быстро переходят во внешнеэкономическую плоскость — порождая своеобразный «климат недоверия», переходящий в интенсификацию международно-политического торга и отражающийся на снижении международно-экономических (инвестиционных и пр.) и имиджевых (коррупционных и пр.) рейтингов страны, что в современных кризисных условиях является более чем серьезной внешней угрозой.

Вместо выводов

*Великой нацией нас делает не наше богатство,
а то, как мы его используем.*

Теодор Рузвельт

В современных условиях «стабильной нестабильности» миропорядка для геостратегии государства все большее значение приобретает внешний, международный контекст. При этом ключевым вызовом является принципиальное изменение общего характера субъектности международных отношений — все более значимыми участниками строительства «мир-системы» (Э. Валлерстайн) становятся, помимо государств (число которых растет), транснациональные и общественные акторы.

В силу этого все менее некорректно рассматривать «иррациональные» реалии геостратегии государства в контексте формирования новой архитектуры миропорядка в двоичной системе координат (хорошо-плохо). Современное мировое развитие характеризуется сплетением множества противоречивых тенденций, которые с очевидностью проявляются в специфике поисков наиболее эффективных путей достижения приемлемого баланса национальных и международных интересов.

«Оседлать законы истории» (И. Сталин), как убедительно доказывает современная междуна-

родная жизнь, можно лишь эффективно, взаимодополняяще используя имеющийся арсенал геополитических и геоэкономических средств, инструменты как «жесткой», так и «мягкой» силы. При

этом не следует забывать прежде всего о том, что мастерство игры определяется не столько умением выигрывать с сильными картами, сколько умением не проигрывать со слабыми.

Источники

1. Воронов К. Евросоюз в контркризисной конкуренции «центров силы»: потенциал, реалии, надежды // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 3.
2. Дубинин С. И все-таки она вертится. Вокруг денег // Россия в глобальной политике. — 2013. — Т. 13, №1.
3. Дугин А. Основы геополитики. — М.: Арктогея-центр, 2000.
4. Кондратьев В., Егоров А., Аукуционек С. Оценки конкурентноспособности стран // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 2.
5. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. — М.: ИРИСЭН, 2006.
6. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660-1783. — СПб.: Terra Fantastica, 2002.
7. Brzezinski Zb. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. — Basic Books, 2012.
8. Johnson S., Kwak J. White House Burning: The Founding Fathers, Our National Debt, and Why It Matters to You. — Pantheon, 2012.
9. Luttwak E. The Endangered American Dream. — Simon & Schuster, 1994.

References (transliteration)

1. Voronov K. Evrosoyuz v kontrkrizisnoi konkurencii «centrov sily»: potencial, realii, nadezhdy // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. — 2013. — № 3.
2. Dubinin S. I vse-taki ona vertitsya. Vokrug deneg // Rossiya v global'noi politike. — 2013. — T. 13, №1.
3. Dugin A. Osnovy geopolitiki. — M.: Arktogeya-centr, 2000.
4. Kondrat'ev V., Egorov A., Aukucioneck S. Ocenki konkurentnosposobnosti stran // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. — 2013. — № 2.
5. Krevel'd M. van. Rascvet i upadok gosudarstva. — M.: IRISEN, 2006.
6. Mehen A.T. Vliyanie morskoi sily na istoriyu 1660-1783. — SPb.: Terra Fantastica, 2002.